

ХРОНИКА. ИСТОРИЯ. ПЕРСОНАЛИИ

CHRONICLE. STORY. PERSONALIES

УДК [551.5+556](09)«364»

Военные и трудовые будни гидрологов и метеорологов в период блокады Ленинграда на основе мемуаров сотрудников Гидрологического института (1941—1944 гг.)

Алла Олеговна Волгушева

Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург,
Volgusheva_irbis@mail.ru

Аннотация. На основе рукописи писателя Михаила Леонидовича Слонимского, хранящейся в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб), приводятся воспоминания сотрудников о Гидрологическом институте в Ленинграде в 1941—1944 гг.

Ключевые слова: Российский гидрологический институт, Государственный гидрологический институт, блокада Ленинграда, гидрологи, метеорологи, Гидрометслужба Красной Армии (ГУГМС КА).

Military and work life of hydrologists and meteorologists during the siege of Leningrad based on the memoirs of employees of the Hydrological Institute (1941—1944)

Alla Volgusheva

Russian State Hydrometeorological University, Saint Petersburg

Введение

Российский гидрологический институт был основан 7 октября 1919 г. и являлся ведущим научно-исследовательским учреждением в области гидрологии суши и водных ресурсов.

В 1926 г. произошло его переименование в Государственный гидрологический институт, что свидетельствует о повышении его статуса и, соответственно, значимости. Все работники института были коренными ленинградцами. По свидетельству сотрудника института, в дальнейшем техника-лейтенанта, Елены Михайловны Селюк: «...пятиэтажное здание на Васильевском острове стало с годами просто нашим родным домом, каждый уголок, каждая ступенька здесь были издавна известны нам. Сотрудники являлись на работу с тем удовольствием, какое очень известно всем, кто занят любимым делом» (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга).

Первоначально институт занимался изучением всех видов природных вод, о чем опять же вспоминала Е.М. Селюк: «Мы с большим удовольствием разрабатывали методику предсказаний сроков вскрытия и замерзания водоемов, горизонтов высоких и низких вод в реках и озерах и других гидрологических явлений, институт стремился стать подлинным хозяином всех водных пространств. В 1941 году институт закончил капитальный труд – составление сводных работ по рекам, морям, озерам и болотам Советского Союза» (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга).

Вследствие появления различных направлений были образованы морской отдел и отдел гидрологии суши, подобная структура института просуществовала до начала Великой Отечественной войны [1].

Накануне блокады

Война внесла свои коррективы в работу института. С самого начала войны Государственный гидрологический институт стал военной организацией, находясь в структуре Главного Управления Гидрометслужбы Красной Армии (ГУГМС КА). В 1941 г. было принято решение об эвакуации части института на Урал. Переезд был осуществлен в три этапа, при этом вывозились часть библиотеки, оборудование, научные архивные фонды, что позволило сразу приступить к работе на новом месте.

Часть океанологов под руководством В. В. Тимонова эвакуировались в Мурманск и Архангельск. Более 100 сотрудников ушли на фронт, многие из которых не вернулись. Обслуживание Ленинградского, Балтийского и соседних фронтов обеспечивалось 212 сотрудниками института, оставшимися работать в Ленинграде под руководством Смирнова, при этом 65% из них были женщины.

Обращаясь к воспоминаниям Е. М. Селюк, мы погружаемся в бытовые и рабочие подробности жизни ее коллег, когда она в свойственной ей манере, называет их порой то по фамилиям без инициалов, то просто по именам, часто уменьшительно-ласкательным, тем не менее, нам важны все подробности живых свидетелей: «Группа сотрудников занималась предсказаниями и информацией о состоянии вод области. Для лучшей координации работ, они объединились с воинской частью инженер-полковника Семенова, сутками не выходили из рабочих помещений Пальникова, Соколова, Буллах. Бригада, которой руководил В.К. Давыдов, неоднократно выходила на передний край обороны, решала задачи создания искусственных водных преград, как средства обороны. Так, товарищи Шнее, Азубукина и Узель под руководством товарища Артамонова составляли карты заболоченности, используя весь, накопленный институтом материал. Химики Андреева и Мусина давали фронту сведения о химическом составе вод на территории военных действий. Работники морского отдела (все женщины): Амосова, Спенлер, Луи-Свет, Шапаева, Иванова, Розанова подготавливали гидрологические пособия и атласы для Балтийского Флота. Все, что было создано институтом в мирные времена, шло теперь на оборону, теснейшая связь с фронтом не прерывалась ни на миг, это укрепляло нас, воодушевляло, мы чувствовали себя нужными, полезными

людьми и в это была наша высшая радость» (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга).

Работали сотрудники института и на строительстве оборонительных рубежей: «Многие ленинградские женщины, и среди них женщины Гидрологического института, вложили свой труд в бесхитростные, но трудоемкие сооружения. На подступах к Ленинграду и под старинным русским городом Новгородом нескончаемой цепью протянулись вдаль грандиозные противотанковые рвы. Пройдут годы, и экскурсоводы будут показывать их новому поколению советских людей и расскажут им о их строителях. Мы знаем этих строителей. Вот, скромная девушка стеклографистка Надя Иванова, без усталости переносившая на носилках тяжелый дерн для облицовки канав, старший техник Цива Кубанец, Галя Буллах, Марина Беляева, научный сотрудник коммунистка Селянкина и многие другие. Особенно тяжело приходилось молодому инженеру Тане Троицкой. Беременная, она наравне со всеми работала, отказываясь от разрешенного ей возвращения в Ленинград. Когда же стальное кольцо блокады сомкнулось, работы велись в непосредственной близости к городу, и до начала 1942 года, женщины голодные, опухшие, бесценно продолжали выполнять порученное им дело. Ветеранами трудового фронта стали старший инженер Оя, инженеры Тараканова, Милославская, Конюшевская, старший техник Александрова, Порфирьева, машинистка Веселова и другие» (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга).

Работа в дни блокады

Необычной стала жизнь Ленинграда. Воздушные тревоги следовали одна за другой, варварские бомбежки и обстрелы убивали и калечили людей. Остановились трамваи, потух электрический свет, не стало топлива, радио — единственная связь с «Большой Землей» — работало с перебойми, но самым трудным испытанием был голод. Чтобы получить крошку хлеба, надо было простоять в длинной очереди, но трудно уже было и ходить, и стоять. В первую блокадную зиму работа Гидрологического института прерывалась лишь для несения вахты на крышах и чердаках, бомбоубежищах, где собирались старики и женщины с детьми из соседних домов.

Постоянная команда местной противовоздушной обороны института состояла приблизительно из ста человек, шестьдесят из которых были женщины Командир отделения Розанова, ее заместитель Кубанец, бойцы Петрова, Серебренникова, Авдеева ночи напролет бегали по этажам, следя за порядком. Телефонистки Ковальчикова и Высоченкова всегда находились на своем посту. Их труд в мирное время кардинально отличался от работы в период блокады, когда они закоченными руками, в помещении с нулевой температурой, при жалком свете коптилок, печатали целые простыни цифровых материалов, не допуская при этом ни одной ошибки, поскольку любая ошибка могла оказаться роковой на фронте.

Командир медико-санитарного отделения Волкова, ее заместитель Федотова, бойцы Буллах, Вегрихт, Завьялова, Шнее, Тараканова, Надя Иванова оказывали

помощь и сотрудникам института, и жильцам соседних домов. Помощь требовалась не только при ранении, но и тем, кто падал в изнеможении, обессиленный голодом и недосыпом, при этом сами еле передвигали ноги от слабости, но находили в себе силы колоть дрова, отапливать помещение стационара, обслуживать своих товарищей (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга).

В последние недели 1941 г. здание гидрологического института выглядело необитаемым и мало чем отличалось от других зданий города: окна заколочены досками и фанерой, возле парадной сугробы снега. Однако кажущаяся необитаемость здания была обманчивой. Институт жил и работал. Рабочий день стал понятием условным, так как работали сотрудники института круглые сутки, начиная день с заготовки топлива. Даже те, кто уже настолько ослаб, что не мог подняться с постели, работали у себя дома, выполняя задания фронта. Самое главное, как утверждала Е. М. Селюк, «вопреки всем невыносимо тяжким условиям, научная жизнь не гасла и не замирала» (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга).

Гидрологи составляли необходимые для фронта сведения, но эти справки нужно было еще доставить на места, в различные концы фронтового города под обстрелом артиллерии. Этим занималось подразделение, состоящее из 15-20 человек под руководством тов. Вегрихта. В блокадные дни всякая самая пустяковая работа требовала чрезвычайного напряжения сил, огромные, неведомые ранее трудности возникали на каждом шагу. Например, такая элементарная в мирное время работа как инвентаризация, теперь казалась почти невыполнимой. В относительном порядке находились только материальный и инструментальный склады, благодаря кладовщику тов. Толокнову, который работал на этой должности беспрерывно 14 лет. Во время блокады он поселился в этих складах, не расставаясь с порученными ему ценностями, все остальное было растеряно и разбросано по зданию.

Бригада под руководством тов. Богомазовой выполняла срочную и ответственную работу по подготовке Гидрологического справочника, в котором нуждался фронт. Из воспоминаний З. П. Богомазовой мы узнаем о том, как выполнялось срочное задание по описанию рек и озер большой территории и составление карты. Елизавета Владимировна Серебренникова составляла карту в самом холодном углу комнаты, придвинувшись к окну, пока был источник естественного света, а по завершении этой тонкой работы, даже не верилось, что она смогла так замечательно справиться с этой задачей при таких невыносимых условиях: «Мы смотрели на карту как на чудо, но чудо было создано руками человека, советской женщины» (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга).

Иногда появлялась необходимость в литературе, однако каталог библиотеки был вывезен из Ленинграда, тогда приходили на помощь сотрудники библиотеки Географического общества на Демидовском переулке, но расстояние до адреса составляло 6 км в оба конца. Оправляясь в путь по городу, человек не всегда был уверен, что у него хватит сил добраться до цели. З. П. Богомазова взяла эту работу

на себя, поскольку жила ближе всех к институту и считала, что сил на ходьбу у нее должно оставаться больше, чем у других.

Ни на один день не прекращала оперативную работу бригада, в составе которой был только один мужчина тов. Куприянов, остальные все были женщины: Тараканова, Яворская, Серебренникова, Денисова, Оя, Ванеева и другие. На одной из окраин города бесперебойно трудились сотрудники Гидрометеорологической испарительной станции института товарищи Фарберг, Троткевич. В любую погоду они пробирались к приборам, расположенным на озере по обледенелым пирсам.

Болезнь и смерть

Постепенно голод стал забирать людей, но, в первую очередь, мужчин, глав семейств. Старший научный сотрудник Поллон, постоянно отдававший скудный паек двум своим детям, стал первым умершим от голода сотрудником института. По свидетельству врача, спасти его могли только плитка шоколада и сто граммов масла в день, естественно, задача была невыполнимой для коллег. Со временем то один, то другой сотрудник вдруг исчезал, не являлся на работу, что означало либо болезнь, либо смерть.

Подобная гибель настигла старшего научного сотрудника Георгия Федоровича Уля. Это был немолодой, но очень веселый и жизнерадостный человек, очень любивший ребят и порой забавлявший детей своих сотрудников разного рода играми и выдумками. Дети были в восторге, когда он облачался в какой-нибудь фантастический костюм, рассказывал им сказки. Георгий Федорович любил детей, свою семью, но в тоже время был предан своей работе. Он не покидал в голодную зиму своего рабочего места до самого последнего момента, пока слабость не свалила его. Коллеги иногда получали в столовой для него лишнюю тарелку жидкого супа или делились с ним своими продовольственными талонами. Общими усилиями доставляли ему дрова из института, но всю пищу он отдавал детям — девятилетней Тане и двенадцатилетнему Вите. Ужасна была судьба его семьи. Снаряд, разорвавшись в его квартире, убил его жену и тяжело ранил в голову его маленькую дочь Таню, которая умерла в страшных мучениях через несколько дней. Витя был отброшен ударной волной под рояль, и рухнувшая стена погребла его под собой. Его извлекли из-под обломков, в волосах ребенка появилась седина, но мальчика удалось эвакуировать.

Из воспоминаний З. П. Богомазовой, мы узнаем подробности, как однажды пришла весть о гибели в своей квартире во время пожара сотрудницы Третьяковой, как заболел Давыдов, умер Артамонов. Начальник оперативной группы Фролов крепился, но силы его истощались с каждым днем, в начале декабря он ограничивался лишь личным приемом заданий, а в середине месяца слег и передал руководство З. П. Богомазовой. Она составляла списки сотрудников, разделяя их на относительно здоровых и больных. Была установлена сменность в работе, причем для более слабых число рабочих дней в неделю было уменьшено, разговоры о еде в рабочем помещении теперь пресекались.

Сила товарищества и дружбы

Обратимся к воспоминаниям Т. Я. Авдеевой, которая в своих мемуарах о работе института в те годы уделила вопросам дружбы и поддержки сотрудниками друг друга отдельное внимание.

Так, «Филениус, Волкова, Федотова, Целохович, Кораблева и другие прошли еще во время войны с Финляндией годичные курсы медсестер. Некоторые из них сразу ушли на фронт, остальные работали в медико-санитарном звене команды МПВО института. В бомбоубежище был организован стационар. Когда к весне 1942 года начались розыски неявившихся на работу товарищей, сестры и санитарки оказывали немедленную помощь нуждающимся. Они доставляли на дом обеды, выкупали в магазине паек, приносили воду, а порой делились и своим скудным пайком» (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга).

З. П. Богомазова в свободные минуты отдавалась заботе о товарищах. Вошло в привычку при заболевании сотрудника или членов его семьи в первую очередь обращаться к ней. Она устраивала ослабленных коллег в стационары и больницы, посещала их, грузила вещи эвакуированных сотрудников, которых отправляли в тыл уже умирающими. Когда на тяжелой работе по слому деревянных домов для обеспечения института топливом заболела Е. М. Селюк, Зинаида Петровна ухаживала за ней, помогала вернуться в строй.

Инженер Анна Яковлевна Оя работала в институте 14 лет, но на вид была несколько замкнутой. В дни блокады проявила себя как исключительно чуткий и заботливый товарищ. Когда квартира старшего инженера Ванеевой сгорела при обстреле, сама Ванеева заболела, Анна Яковлевна в течение года опекала ее, посещала в больнице, не раз ездила за город доставать для нее продукты. Особенное отношение было к семьям военнослужащих. Так, тов. Джоган незадолго до войны был направлен в Эстонскую ССР, а в дни войны стал командиром Красной Армии. Его жена и двое детей вынуждены были эвакуироваться в Ленинград без теплых вещей и самого необходимого. Жене Джогана Оле и сотруднице института Зинаиде Сергеевне Сергеевой, чьи двое сыновей были на фронте, дали комнату в Гидрологическом институте, а Зинаида Сергеевна, имея на руках старуху-мать, по-матерински заботилась об Оле Джоган и ее детях. Таких примеров огромное множество, дружба, поддержка ленинградцев многим спасла жизнь (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга).

Возвращение к жизни

В феврале 1942 г. вступила в строй «Дорога жизни», в создание которой вложен труд ленинградских гидрологов. Вместе с этим последовало распоряжение об эвакуации большинства работников института. Истощенные от голода люди едва находили в себе силы, чтобы просто прийти за эвакуационными документами. Немногочисленная группа работников, преимущественно женщин, добровольно оставшаяся в Ленинграде, вполне отдавали себе отчет о последствиях,

но чувство долга не позволяло им покинуть город, на них возлагалось сохранение базы института и продолжение обслуживания Ленинградского фронта.

Руководство института возлагалось теперь на Е. М. Селюк, которая до этого момента была помощницей начальника института. Она должна была отвечать за работу, за личный состав, за материальные ценности.

Елена Михайловна вспоминает, что ей пришлось начать с изменения организационной структуры Ленинградского отделения института. Ряд научных и технических работников (Иванова, Конюшевская, Лаан, Эрдман, Петрова) были временно откомандированы в воинскую часть под руководством инженер-подполковника Семенова, где они вместе с бойцами продолжали обеспечивать выполнение заданий фронта.

За зиму город, где не работала канализация, отсутствовали вода и электричество, не убирался снег, был загрязнен невообразимо. Новой угрозой стала надвигающаяся эпидемия. Ленинградцы откликнулись на призыв городской партийной организации и исполкома Ленгорсовета выйти на очистку города. Как вспоминала Елена Михайловна, гнетущее чувство захватило ее, когда она ходила по этажам института, обследуя свое, некогда такое чистое и уютное здание. Ныне царили запустение, зловоние, закрытые кабинеты, ключи от которых не были сданы, а ценнейшая научная библиотека и архив пришли вопреки стараниям в хаотическое состояние. Толстый слой льда, которые не вывозился, сплошь покрывал двор института. Сотрудники, облачившись в ватники, принялись за уборку и, как говорит Елена Михайловна, не то, что привели здание в полный порядок, но хотя бы угроза эпидемии миновала.

Дальше пришлось по спискам проверять личный состав Ленинградского отделения института. Так как на работу являлось лишь 30% работников, возникала мысль о судьбе остальных. Этот труд был очень тяжелым, поскольку часто адреса были неточными, соседи не все были живы, некоторые эвакуировались, а были и те сотрудники, которым помощь уже была не нужна, они покоились на берегу Финского залива или на Охте в братских могилах. Несколько сотрудников с утра уходили на поиски людей, в страшном состоянии некоторые все же были найдены и постепенно графа «отсутствует по неизвестным причинам» начала заполняться.

Заключение

В ноябре 1942 г. с «Большой Земли» прибыл начальник Гидрометеорологической службы СССР, герой СССР тов. Федотов, который ознакомился с работой всех находившихся в Ленинграде подразделений и на совещании актива дал высокую оценку деятельности ленинградских гидрологов и метеорологов, чем они были горды.

Интересным представляется факт, что прорыв блокады Ленинграда все сотрудники института описывают почти одинаково, радость и боль за прожитые трудные, ужасные годы блокады и одновременно чувство гордости, переплетались в их душе: «Несравнима была наша радость, а в радости и в горе, советский человек стремится быть в коллективе и это характерное чувство особенно ярко

проявилось в те счастливые дни» (Е. М. Селюк, Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга).

«Не передать в словах силу любви наших людей к Родине, к своему прекрасному городу, к институту. Любовь эта выражена в делах. Мы счастливы, что работы, выполненные нами в 1941 году и позднее, в полной мере использованы командованием в планировании боевых операций наших войск в великие дни снятия блокады Ленинграда и освобождения от врага родной Ленинградской области» (З. П. Богомазова, Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга).

«Мы знали, мы чувствовали, что нестигаем советский народ, мы готовы были на все для достижения победы» (Н. М. Милославская, Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга).

Список литературы

1. Вуглинский В. С., Журавлев С. А. Государственному гидрологическому институту — 100 лет // Метеорология и гидрология. 2019. № 10. С. 142—144.

Информация об авторе

Волгушева Алла Олеговна, кандидат исторических наук, кафедра социально-гуманитарных наук РГТМУ, доцент, Volgusheva_irbis@mail.ru

Information about author

Volgusheva Alla Olegovna, Ph.D. Historical Sciences, Associate Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Russian State University of Humanities, Associate Professor, Volgusheva_irbis@mail.ru